

А. А. Мальцева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Особенности употребления показателей предикативов с отпадающим гласным в корякском и алюторском языках

Рассмотрены предикативы корякского и алюторского языков, этимологические составные показатели которых содержат сегмент с отпадающим в абсолютном конце слова и восстанавливаемым в медиальной позиции гласным. В корякском языке процесс отпадения и восстановления гласного в показателях предикативов регулярен, он сопровождается обязательным употреблением числовых аффиксов. В алюторском языке отпадение гласного стало морфологическим способом выражения числа, поэтому числовые показатели факультативны. В двух наиболее частотных предикативах алюторского языка, наряду с уникальным показателем 3-го лица множественного числа, возможно восходящим к раннему заимствованию из корякского языка комбинации морфем из частотных форм презенса, в речи некоторых носителей спорадически используются показатели, заимствованные из современного корякского языка. В одном из предикативов алюторского языка реализуются две модели выражения множественного числа – аддитивная, с восстановлением гласного и факультативным использованием числовых морфем, и субститутивная, с усечением части показателя и использованием уникального для алюторского языка показателя множественного числа по аналогии с наиболее частотными предикативами.

Ключевые слова: чукотско-корякские языки, алюторский язык, корякский язык, морфология, предикатив, фонетический закон, отпадение гласных.

В чукотско-корякских языках имеется ряд корней и аффиксов с отпадающим конечным гласным. Если морфема с отпадающим гласным оказывается в абсолютном конце слова, то гласный отпадает, в медиальной позиции он восстанавливается. Чаще всего отпадение конечных гласных происходит в простых именных основах, равных корню, как, например, в парах ал. *tatul* ‘лиса’ – *tatula-ŋ* ‘к лисе (лиса-DAT)’; *imət* ‘ноша’ – *imti-ta* ‘ношей (ноша-INSTR)’.

Предметом данной статьи являются случаи применения этого процесса к грамматическим показателям нескольких предикативов корякского и алюторского языков, содержащим формант *-ine/-ena/-ina* с отпадающим конечным гласным,

Мальцева Алла Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; alla.maltseva.ifl@gmail.com)

которые могут оказываться то в конце словоформы, то в медиальной позиции перед другой морфемой.

1. Общие сведения о грамматических показателях с отпадающими гласными

Все исследуемые грамматические показатели с отпадающими конечными гласными включают формант *-in(e)/-en(a)/-in(a)*: это пять лично-числовых показателей предикативов (релятивное, посессивное и качественное прилагательные, причастие прошедшего времени и отрицательный атрибутив).

Этимологически формант *-in(e)/-en(a)/-in(a)* в составе предикативов рассматривается как деривационный посессивный, более точно его значение определяется как «pertaining to» [Fortescue, 2005, p. 409], что объединяет понятия отношения и принадлежности. Это позволяет передать семантику аффиксальной части предикативов следующим образом:

-k-in(a) – релятивное прилагательное – человек или предмет, принадлежащий определенному месту, времени или другим обстоятельствам (*-k* – древний показатель локатива), «на своем месте, в определенное время, в определенных обстоятельствах», опосредованная связь между субъектом и предметом [Володин, 2000, с. 117];

-(n)-in(a) – посессивное прилагательное – человек или предмет, принадлежащий субъекту (*-n* – один из показателей абсолютива, восходящий к местоимению 3-го лица *энну(л)* (ал.) / *энно* (кор.) ‘тот, он’), неотчуждаемая, постоянная принадлежность; «неотчуждаемо свой предмет или человек», непосредственная связь между субъектом и предметом [Там же];

-q-in(a) – качественное прилагательное – качество, принадлежащее субъекту; «свое качество»;

-l-in(a) – причастие прошедшего времени – человек, предмет или действие, принадлежащий субъекту, отчуждаемая, временная принадлежность; «отчуждаемо или временно свой предмет, человек или действие»;

-k-ə-lʔ-in(a) – отрицательный атрибутив – предмет или действие, не принадлежащий субъекту.

А. П. Володин связывает утрату конечного гласного в показателях с сегментом *-in(e)/-en(a)* с особенностями слоговой структуры чукотско-корякских языков, согласно которым словоформа не может заканчиваться открытым слогом [Там же, с. 116, 126]. Вероятно, эта фонетическая закономерность была обязательной в какой-то период развития чукотско-корякских языков, а затем в отдельных языках в разной степени утратила свою актуальность.

2. Группы показателей прилагательных с отпадающими гласными по особенностям их употребления

Грамматические показатели прилагательных с отпадающим конечным гласным по особенностям употребления в корякском и алutorском языках можно разделить на три группы.

К первой группе относятся постфикс релятивного прилагательного *-k-in(e)* / *-k-en(a)* (кор.) / *-k-in(a)* (ал.) и постфикс посессивного прилагательного *-(n)-in(e)* / *-(n)-en(a)* (кор.) / *-(n)-in(a)* (ал.). Одновременно они выполняют функцию показателя 3-го лица. Показатели других лиц присоединяются после них, используется аддитивный принцип.

Во вторую группу входят личный показатель 3-го лица качественного прилагательного *-q-in(e)* / *-q-en(a)* (кор.) / *q-in(a)* (ал.) и личный показатель 3-го лица причастия прошедшего времени *-l-in(e)* / *-l-en(a)* (кор.) / *-l-in(a)* (ал.). В других

лицах происходит замещение этих личных показателей, используется субститутивный принцип.

Третью группу составляет постфиксальный показатель отрицательного атрибутива *-k-ə-lh-in(e)* / *-k-ə-lh-en(a)* (кор.) / *-k-ə-lʔ-in(a)* (ал.), допускающий вариативность форм 3-го лица множественного числа.

В этих группах наблюдаются разные соответствия по употреблению показателей в финальной и медиальной позициях по языкам (см. табл. 1, полужирным выделены различающиеся формы).

Таблица 1

Корякские грамматические показатели с отпадающим гласным и их соответствия в алуторском языке
Koryak grammatical morphemes with a dropping vowel and their parallel forms in Alutor

Показатели с отпадающим гласным	Корякский язык		Алуторский язык	
	Финальная позиция	Медиальная позиция	Финальная позиция	Медиальная позиция
Первая группа				
REL	<i>-k-in/-k-en</i>	<i>-k-ine/-k-ena-t/-w</i>	<i>-k-in//-k-ina</i>	<i>-k-ina-t/-wwi</i>
POSS	<i>-(n)-in/-(n)-en</i>	<i>-(n)-ine/ -(n)-ena-t/-w</i>	<i>-(n)-in//-(n)-ina</i>	<i>-(n)-ina-t/-wwi</i>
Вторая группа				
3S (QUAL)	<i>-q-in/-q-en</i>	<i>-q-ine/-q-ena-t/-w</i>	<i>-q-in// -lay(-ina-wwi)</i>	<i>-q-ina-t</i>
3S/P (PP)	<i>-l-in/-l-en</i>	<i>-l-ine/-l-ena-t/-w</i>	<i>-l(in)// -lay(-ina-wwi)</i>	<i>-l-ina-t</i>
Третья группа				
3sgS/P (ATR.neg)	<i>-k-ə-lh-in/ -k-ə-lh-en</i>	<i>-k-ə-lh-ine/ -k-ə-lh-ena-t/-w</i>	<i>-k-ə-lʔ-in//-k-ə-lʔ-ina -k-ə-lay(-ina-wwi)</i>	<i>-k-ə-lʔ-ina-t/-wwi</i>

Данные табл. 1 показывают, что различия между корякским и алуторским языками связаны с употреблением разных показателей или их вариантов в финальной позиции. Рассмотрим каждую группу показателей.

2.1. Показатели релятивного и посессивного прилагательных. В корякском языке, для которого характерна гармония гласных по подъему, лично-числовые постфиксы этой группы предикативов имеют алломорфы с гласными верхнего и нижнего подъемов (см. табл. 2). Кроме того, в обоих языках посессивный показатель варьирует в зависимости от исхода основы, к которой он присоединяется: варианты *-in/-en/-ine/-ena/-ina* используются после согласных, *-nin/-nen/-nine/-nena/-nina* – после гласных.

Формы единственного числа не имеют материально выраженного показателя числа, поэтому показатели посессивного или релятивного прилагательного оказываются в конце словоформы, что приводит к отпадению конечного гласного. Таким образом, ауслатные алломорфы в своем фонетическом облике одновременно передают информацию о единственном числе субъекта.

Таблица 2

Выражение числовых противопоставлений в 3-м лице
относительного и притяжательного прилагательных
в корякском и алюторском языках
Numeral oppositions in the 3rd person of relative and possessive adjectives
in the Koryak and Alutor languages

Прилагательное	Единственное число		Двойственное число		Множественное число	
	Кор.	Ал.	Кор.	Ал.	Кор.	Ал.
REL	<i>-k-in/ -k-en</i>	<i>-k-in</i>	<i>-k-ine-t/ -k-ena-t</i>	<i>-k-ina-t</i>	<i>-k-ine-w/ -k-ena-w</i>	<i>-k-ina- (wwi)</i>
POSS	<i>-(n)-in/ -(n)-en</i>	<i>-(n)-in</i>	<i>-(n)-ine-t/ -(n)-ena-t</i>	<i>-(n)-ina-t</i>	<i>-(n)-ine-w/ -(n)-ena-w</i>	<i>-(n)-ina- (wwi)</i>

Корякский и алюторский языки в отношении этой группы предикативов различаются использованием числовых показателей.

Корякская система выражения числовых противопоставлений в 3-м лице всех предикативов стандартна и аддитивна: при передаче единственного числа конечный гласный аффикса отпадает, при выражении неединственного числа он восстанавливается, словоформу замыкает показатель дуалиса или плюралиса, примеры (1), (2).

(1) Кор., чавч., ветв.

...*Ҟэвэҕ мытҕу ятколау нутэчикукинэв'*, *мучгин нотапэль япылҕатың*. (Кергильхот 2010)

peveq mətq=u ja=tko=la=ŋ nute=čəku=**kine=w**
если жир=ABS.pl POT=кончать(ся)=PL=PFV тундра=IN=**REL.nsg=PL**
mučy=in nota=peł' ja=pəłq.at=ə=ŋ
мы.OBL=POSS.sg тундра=DIM.ABS.sg POT=тонуть=E=PFV

‘Если жиры закончатся в земле (букв.: внутриземельные), наша земелька утонет.’

(2) Кор., чавч., ветв.

То мучгинэв' апаннов'в'э айҕон янот тыттэль ныпыттоңуэнав' гатвалэнав'. (Кергильхот 2015)

to mučy=**ine=w** arappo=wwə aŋon janot
и мы.OBL=**POSS.nsg=PL** дед=ABS.pl прежде впереди
tətteł' n=ə=pəttəŋ=qəna=w ya=tva=ləna=w
очень QUAL=E=богатый=3nsgS=PL PP=находиться=3nsgS=PL

‘И наши деды раньше очень богатыми были.’

В алюторском языке, по наблюдению И. А. Мельчука, если вокалический ауслаут морфемы с отпадающей гласной оказывается в конце словоформы в результате факультативного эллипсиса замыкающего словоформу числового аффикса дуалиса или плюралиса, то отпадения гласной не происходит [Мельчук, 1973б, с. 127]. Это приводит к возможности выражения числа при отсутствии числового показателя с помощью противопоставления двух вариантов одного и того же показателя: при отпадении гласного выражается единственное число, при сохране-

нии – неединственное. Ю. Нагаяма писала о формах относительных прилагательных на *-kin(a)*, что в современном алюторском языке форма множественного числа чаще реализуется без последующего числового показателя, поэтому на поверхностном уровне *-kin* и *-kina* оказываются противопоставленными как числовые формы единственного и множественного числа [Нагаяма, 2003, с. 88]. Поскольку в алюторском языке есть морфологические показатели как двойственного, так и множественного числа, то более правильным было бы трактовать форму без числового показателя как форму неединственного числа, которая может факультативно уточняться аффиксом двойственного или множественного числа (3).

- (3) Ал.
 wajam-**kin** ‘речной’ (река-**REL.sg**)
 wajam-**kina** ‘речные’ (река-**REL.nsg**)
 wajam-**kina-t** ‘речные два’ (река-**REL.nsg-DU**)
 wajam-**kina-wwi** ‘речные многие’ (река-**REL.nsg-PL**)

Посессивные или релятивные формы, помимо атрибутивной, могут выполнять предикативную, актантную или сирконстантную функции. В предикативной функции за релятивным или посессивным показателем следует постфикс лица, который может указывать на любое число обладаемых предметов, в том числе на единственное, примеры (4)–(6).

- (4) Кор., чавч., ветв.

И эчги мую... кымиуылв’ын ымыу мытколяйвыт(колау), Митинамую... (Кергильхот 2006)

u¹ ečy¹ muj=u kəmiŋ=ə=lwən əməŋ
 теперь мы=ABS.pl ребёнок=E=NMLZ.collect весь
 mət=ko=ʎa=jv=ə=tko=la=ŋ mit(i)=ina=**muju**
 1nsgS=PRES=идти=INTENS=E=ITER=PL=PRES Pers=**POSS=1plS**
 ‘И сейчас мы, дети все, бродим, мы [дети] Мити².’

- (5) Кор., чавч., ветв.

Ев’ъев’э нэкив’уын: «Пув’! Ябкэначгыйгэ, гамгауайцымг’ынвык гыччи куюнэтыу!» (Кергильхот 2010)

jew.jew=e ne=k=iw=ŋ=ə=n puw
 куропатка=INSTR LowA=PRES=сказать=PRES=E=3sgP фу!
 jaq=**kena**=čy=ə=**jye**
 что=**REL=PEJOR=E=2sgS**
 amin yamyə=ŋajq=ə=th=ə=nv=ə=k yəčči
 ну каждый=мусор=E=лить=E=NMLZ.loc=E=LOC ты.ABS.sg
 ku=jun.et=ə=ŋ³
 PRES=жить=E=PRES

‘Куропатки говорят ему: «Фу! Для чего ты, дрянной (букв.: длячегошечный ты дрянной), на всех помойках ты живешь!»’

¹ Курсивом в глоссировании выделены вкрапления и заимствования из русского языка.

² Мити – женское имя, имя жены прародителя коряков.

³ Точка внутри основы глагола означает, что данная основа не употребляется без вербализатора.

(6) Ал., с.-в., выв.

Ынун уавакык ыннны, Амамбутин: «Титакинэгыт гымнинэгыт ыллыгы-гыт». (Мулинаут 2004)

əŋ.in	ŋav=akək	ən=innə	amamqut=in
этот	женщина=сын.ABS.sg	тот=POSS.sg	Pers=POSS.sg
tita= kine = үәт	үәм= nine = үәт	əlləy=iүәт	
когда= REL = 2sgS	я= POSS = 2sgS	отец=2sgS	

‘Эта дочь его, Амамкута [говорит]: «Ты никогда не был моим отцом» (букв.: когдашний мой отец ты).’

В актантной или сирконстантной функции за релятивным или посессивным показателем следует падежный аффикс, который сам по себе число не выражает, примеры (7), (8).

(7) Кор., чавч., ветв.

Җанҗо муйыкнутэк г’оявлай имыяҗинэв’ гыйнику, пычиҗав’ и ачгэкенайтыу еппы-ван котвалау. (Кергильхот 2010)

ŋav=qo	muj=ə=k=nute=k	hojaw=la=j	
вон=ADV.abl	мы=E=OBL=тундра=LOC	появляться=PL=3sgS.PFV	
im=ə=jaq=iŋe=w	үәҗnik=u	pəčiqə=w	и
весь=E=что=ADJ.nsg=PL	зверь=ABS.pl	птица=ABS.pl	
ačyе= kəna = jtəŋ	jeppə-van	ko=tva=la=ŋ	
сейчас= REL = LAT	ещё-part	PRES=находиться=PL=PRES	

‘С тех пор на нашей земле появились всякие звери, птицы и до сих пор (букв.: до теперешнего) всё ещё [они] есть.’

(8) Ал., с.-в., култ.

Ыйов’ыт виткукинак гауволин нуталҗын туувагык. (Ивтакрат 1955, тетр. 4, с. 76)

əjowət	vitku= kina = k	ya=ŋvo=lin
давным-давно	сразу= REL = LOC	PP=начать(ся)=3sgS
nuta=lq=ə=n	tujv.at=ə=k	
тундра=SUPER=E=ABS.sg	появиться=E=CV.loc	

‘Давным-давно впервые земля начала создаваться.’

Таким образом, при использовании предикативов корякского языка в какой-либо иной функции, помимо атрибутивной, когда за показателем предикатива следует не числовой, а личный или падежный показатель, происходит нейтрализация числового противопоставления между вариантами без гласного и с гласным и аффикс с восстановленным гласным в медиальной позиции неединственное число уже не выражает.

2.2. Показатели качественного прилагательного и причастия прошедшего времени. Качественное прилагательное имеет префиксальный показатель *n-* и постфиксальные лично-числовые аффиксы. Причастие прошедшего времени имеет префикс *y(e)-/y(a)-* и постфиксальные личные аффиксы. Наборы лично-числовых показателей 1-го и 2-го лиц этих предикативов, восходящие к личным местоимениям, в корякском и алюторском языках совпадают, показатели 3-го лица различаются.

Качественное прилагательное чаще выступает в атрибутивной функции, реже – в предикативной, причастие прошедшего времени, наоборот, в подавляющем большинстве случаев используется как предикат, очень редко может выполнять функцию атрибута. Причастие прошедшего времени очень частотно в дискурсе как нарративная форма, это основная глагольная форма в повествованиях о событиях прошлого. В отличие от финитных форм причастие прошедшего времени имеет только одну согласовательную позицию, которая у форм непереходных

глаголов заполняется показателями субъекта, а у форм переходных глаголов – показателями пациенса.

В этой группе предикативов различия между корякским и алюторским языками другие. Как показывают парадигматические данные табл. 3, в корякском и алюторском языках полностью совпадают формы двойственного числа обоих предикативов.

Таблица 3

Выражение числовых противопоставлений в 3-м лице
качественного прилагательного и причастия прошедшего времени
в корякском и алюторском языках
Numeral oppositions in the 3rd person of qualitative adjective and past participle
in the Koryak and Alutor languages

Предикатив	Единственное число		Двойственное число		Множественное число	
	Кор.	Ал.	Кор.	Ал.	Кор.	Ал.
3sgS (QUAL)	<i>-q-in/ -q-en</i>	<i>-q-in</i>	<i>-q-ine-t/ -q-ena-t</i>	<i>-q-ina-t</i>	<i>-q-ine-w/ -q-ena-w</i>	-lay (-ina-wwi)
3sgS/P (PP)	<i>-l-in/ -l-en</i>	-(l-in)	<i>-l-ine-t/ -l-ena-t</i>	<i>-l-ina-t</i>	<i>-l-ine-w/ -l-ena-w</i>	

Такое совпадение форм двойственного числа, вероятно, объясняется вторичностью этих форм в алюторском языке, их возможным заимствованием из корякского языка. Противопоставление двойственного и множественного чисел в чукотско-корякских языках является инновацией, которая полностью затронула только корякский язык, в чукотском языке двойственное число отсутствует, в алюторском имеется только в северных диалектах.

В единственном числе носители алюторского языка очень часто используют усеченные формы, в которых отсутствует формант *-in*. Возможно усечение всего личного показателя, но чаще в случаях сохранения результата полной регрессивной ассимиляции на конечном согласном основы, примеры (9), (10).

(9) Ал., с.-в., выв.

Гальмџинал ыныкки. (Мулинаут 2004)

ya=ləmŋina=l ən=ə=kki
PP=следовать=3sgS тот=E=LOC
'Пошел за ним.'

(10) Ал., с.-в., выв.

Аталига ганилунал бун тита, ымак ганмылин. (Мулинаут 2004)

atali=ta ya=n=iŋu=ŋal qun tita qəmak
чуванец=INSTR PP=CAUS=не успеть догнать=VBLZ ptcl когда почти
ya=n.m=ə=iin
PP=убить=3sgP
'Когда-то чуванцы его упустили, чуть не убили.'

Во втором из приведенных примеров вербализатор *-ŋal*, находящийся в абсолютном конце слова, сохраняет результат регрессивной ассимиляции лично-

числовым постфиксом *-lin* (*-ŋat-lin* > *-ŋal-lin* > *-ŋal*), что позволяет распознать форму 3-го лица единственного числа.

Наиболее существенным отличием алюторского языка от корякского в этой группе предикативов является наличие в алюторском языке особого показателя 3-го лица множественного числа *-laŋ*. По причине кумуляции значений лица и числа в одном показателе И. А. Мельчук называл данный алюторский аффикс «мегаморфой» [Мельчук, 1973а, с. 61].

Эта особенность алюторского языка была отмечена еще в пионерских работах С. Н. Стебницкого [1938, с. 83–84], который соотносил данную мегаморфу с постфиксальной частью форм корякского презенса, типа *ko-jon.al-laj* ‘они живут’ [Стебницкий, 1938, с. 82]. Такая трактовка возможна, поскольку множественное число презенса в корякском языке – это одна из наиболее частотных глагольных форм. В корякской форме презенса *-laŋ* фактически является не одним аффиксом, а комбинацией показателя плюралиса *-la* и постфиксальной части циркумфикса презенса *ko-* – *-ŋ* (PL-PRES). В алюторском языке комбинация *-la-ŋ* с другим значением (PL-PFV) зафиксирована в формах 3-го лица множественного числа потенциалиса, редко встречающихся в спонтанных текстах.

Гипотеза заимствования из корякского языка поддерживается высокой частотностью корякской комбинации морфем *-laŋ*, при заимствовании возможно копирование группы частотных и значимых морфологических сегментов, тем более всегда находящихся контактно. Наличие в алюторском языке омонимичной комбинации позволяет установить между ними тождество, что подтверждается возможностью использования расширенных вариантов морфемы *-laŋ* в формах потенциалиса (см. примеры ниже). Если мы принимаем гипотезу заимствования, то это заимствование относится к ранним, поскольку оно распространилось на весь алюторский язык. Возможно, причиной заимствования была необходимость однозначного выражения множественного числа у форм наиболее частотных предикативов, поскольку числовые показатели в алюторском языке обязательны.

Против гипотезы заимствования выступают данные южных диалектов алюторского языка, в которых, как и в корякском языке, сохраняется гармония гласных по подъему, но в которых, в отличие от корякского языка, аффикс *-laŋ* имеет также узкий вариант *-leŋ*. Плюрализатор *-la*, который входит в состав группы *-la-ŋ* в корякском языке, относится к сильным одновариантным морфемам, поэтому данная группа морфем в корякском языке всегда имеет один и тот же фонетический облик.

В текстах, записанных от носителей собственно алюторского (северо-восточного) диалекта алюторского языка, обнаружено шесть вариантов показателя 3-го лица множественного числа причастия прошедшего времени. Четыре из этих вариантов являются алюторскими (*-laŋ* и его расширенные варианты). Здесь мы отвлекемся от истории возникновения данного показателя в алюторском языке. Как бы ни был источник его происхождения, в настоящее время этот аффикс является общезыковым частотным показателем, поэтому мы будем называть его алюторским. Другой вариант заимствован в полной форме из современного корякского языка, но адаптирован по гласным в связи с отсутствием в алюторском языке гармонии гласных (кор. *-line-w/-lena-w* > ал. *-lina-w*), а из него уже в алюторском языке в соответствии с правилом усечения факультативных ауслуатных числовых показателей, но с сохранением конечного гласного образовался вариант *-lina*. См. небольшую статистику использования вариантов показателя 3-го лица множественного числа причастия прошедшего времени в текстах, записанных от разных исполнителей, в табл. 4.

Таблица 4

Варианты показателя причастия прошедшего времени
3-го лица множественного числа
в северо-восточном диалекте алуторского языка
Variants of the past participle 3rd person plural marker
in the northeastern dialect of the Alutor language

Исполнитель	Алуторский вариант				Корякский вариант	
	<i>-laŋ</i> (всего, %)	<i>-laŋ-in</i> (всего, %)	<i>-laŋ-ina</i> (всего, %)	<i>-laŋ-ina-wwi</i> (всего, %)	<i>-l-ina-w</i> (всего, %)	<i>-l-ina</i> (всего, %)
Пригчина М. И. (1918 г. р.)	73 (83,0)	1 (1,1)	9 (10,2)	2 (2,2)	–	3 (3,3)
Мулинаут Д. А. (1918 г. р.)	163 (99,4)	1 (0,6)	–	–	–	–
Мулитка А. Е. (1926 г. р.)	44 (89,8)	1 (2,0)	3 (6,2)	1 (2,0)	–	–
Уварова Е. Т. (1935 г. р.)	20 (80,0)	3 (12,0)	–	–	–	2 (8,0)
Голикова Т. Н. (1937 г. р.)	61 (81,3)	4 (5,3)	10 (13,4)	–	–	–
Йокка С. Г. (1953 г. р.)	19 (46,3)	–	–	–	3 (7,4)	19 (46,3)

Вариант *-laŋ-at*, отмеченный А. Н. Жуковой в парадигме изменения качественных прилагательных алуторского языка по лицам и числам как показатель 3-го лица множественного числа [Жукова, 1968, с. 299], в наших материалах не зафиксирован.

Расширенные варианты исконного алуторского показателя *-laŋ* (*-laŋ-in*, *-laŋ-ina*, *-laŋ-ina-wwi*) дополнительно включают формант *-in(a)*, присутствующий во всех остальных рассматриваемых морфемах, и показатель множественного числа *-wwi*. Тем самым парадигма предикативов внешне выравнивается, но создается избыточное, дублированное выражение значения множественного числа. Расширенные варианты показателя 3-го лица множественного числа в настоящее время встречаются в речи исполнителей разного возраста, сохраняющих традиционную манеру воспроизведения фольклорных произведений. Помимо выравнивания парадигм возможна другая причина появления расширенных вариантов данного показателя, обусловленная именно фольклорной традицией: эти показатели чаще встречаются в конце синтагм, смысловых отрезков речи, объединенных одним дыханием, поэтому они могут быть связаны с созданием определенной ритмо-мелодической речитативной структуры, характерной для фольклорных нарративов, примеры (11), (12).

(11) Ал., с.-в., выв.

Г'оро Митинак гагиталин: лылав' гамйллаина. (Камак 2004)

ʒoro mɪtɪ=na=k ɣa=ɣita=lin ləla=w
потом Pers=SG=LOC PP=смотреть=3sgP глаз=ABS.pl
ɣa=mjil=**laŋina**

PP=обшить красным=3plP

‘Потом Мити посмотрела на него: глаза обшиты красными тряпочками.’

(12) Ал., с.-в., култ.

Ынкыт наҕам гасвиткулау, ганнивлау, гарынныннивлауинав'в'и. (Пастушена-Косыгина 2006)

ən=kət naqam ʏa=svi=tku=laŋ ʏa=n.niv=laŋ
tot=ADV ptcl PP=отрезать=ITER=3plP PP=сшить=3plP
ʏa=rənn=ə=n.niv=**laŋinawwi**
PP=rog=E=сшить=**3plP**

‘Так просто разрезала, шила, грубыми стежками сшила.’

Заимствованный из современного корякского языка вариант *-lina-w* и его усеченный вариант *-lina* встречаются в речи носителей алоторского языка, в жизни которых был период, связанный с оленеводством и длительным контактом с кочевыми коряками-чавчувенами. Характерным примером является речь жителя села Вывенка Сергея Григорьевича Йокка (1953 г. р.), который употребляет три из шести вариантов показателей предикатива 3-го лица множественного числа: одинаково частотны в корпусе текстов, записанных от него, вариант *-laŋ* и усеченный из заимствованного вариант *-lina*, в редких случаях встречается полный заимствованный вариант *-lina-w*, корякский и алоторский варианты могут использоваться в одном предложении, примеры (13), (14).

(13) Ал., с.-в., выв.

Гариаллау унюнюв'в'и... г'оптыльу, Мити то гаубулинав' юнатык. (Йокка 2004)

ʏa=tiʔa.l=**laŋ** un¹un¹u=wwi ʕopt=ə=ʔʔ=u miti
PP=радоваться=**3plS** ребёнок=ABS.pl весь=E=ATR=ABS.pl Pers.ABS.sg
to ʏa=juv=**lina=w** jun.at=ə=k
и PP=начать(ся)=**3nsgS=PL** жить=E=CV.loc

‘Обрадовались дети все, Мити и стали жить.’

(14) Ал., с.-в., выв.

Ѕуткыннюку амын гакмиллина ыннув'в'и. (Йокка 2004)

qutqən¹n¹aqu=na=k amən ʏ=akmi.l=**lina** ənn=uwwi
Pers=SG=LOC тоже PP=взять=**3nsgP** рыба=ABS.pl

‘Куткыннюку тоже взял рыбины.’

Расширенные варианты данного показателя в северо-восточном диалекте алоторского языка встречаются также у качественного прилагательного (15) и у финитных формы 3-го лица множественного числа потенциалиса (16).

(15) Ал., с.-в., ан.

Ипа ысыын ыызиив'в'алау унюнюв'в'и нытаткайуулауина... (Голикова 2006)

ipa qəsən n=ə=qiwwa=laŋ un¹un¹u=wwi
точно оказывается QUAL=E=некрасивый=3plS ребенок=ABS.pl
n=ə=tatkajun=**laŋina**
QUAL=E=думать=3plS

‘И точно, оказывается, некрасивые дети заботливые...’

(16) Ал., с.-в.

Ойивъа калисгаю тавыррылживлауина уанык гива: тыткуткы. (Нагаяма 2003, текст 3, предл. 71)

ojiv-ʔa	kali=syaj=u	ta=vəŋr=ə=lqiv= la=ŋina
ptcl	цветной=песок=ABS.pl	POT=заметный=E=VBLZ.inch-dur= PL=PFV
ŋan=ə=k	γ=iv=a	t=ə=tku=tkə
вон=E=LOC	CV.com=сказать=CV.com	1sgS=E=закончить(ся)=IPFV

‘Имей в виду, как появится цветной песок, тогда скажи: я заканчиваю [пить воду из реки].’

Для потенциалиса членение данного показателя представляет сложность, поскольку в нем выделяется плюрализатор *-la*, характерный для финитных форм глагола, и *-ŋ* – показатель перфективного аспекта, который есть в большинстве форм потенциалиса. Таким образом, по правилам морфемного членения незначимый сегмент *-ina* расширяет аффикс потенциалиса. В целом весь комплекс морфем *-laŋina*, по нашему мнению, в формах потенциалиса используется по аналогии с частотными причастными формами.

Расширенные варианты показателя причастия прошедшего времени обнаружены также в речи разных носителей юго-западного диалекта алюторского языка. Поскольку в южных диалектах сохраняется гармония гласных, то у данного показателя есть сингармонические варианты *-leŋ-(ine-wwi)/-laŋ-(ena-wwi)*, примеры (17), (18).

(17) Ал., ю.-з., лес.

Унютгинэ кэрпэльяжо гэтырлжилэунэ, ынки гапэлалцэлауэна. (Яганова 2006)

un ¹ uʔu=ty=ine	ker=pe ¹ =n ¹ aqo	
младенец=PSR.pl=POSS.nsg	комбинезон=DIM=AUG	
γe=paŋ=lqi= leŋine	ən=ki	γa=pela=lqe= laŋena
PP=снять=INCH-DUR= 3plP	тот=LOC	PP=оставить=INCH-DUR= 3plP

‘Комбинезончишки детей сняли, там оставили.’

(18) Ал., ю.-з., лес.

Г'итув'в'и гивлэунэв'в'и: «Элвэлъин, эллэ эмургинэкълъин гуттин унюню». (Белюсова 2006)

ʕitu=wwi	γ=iv= leŋinewwi	elve.lʔ.in	elle	
гусь=ABS.pl	PP=сказать= 3plS	другой.3sgS	не	
e=murγ=ine=k=ə=lʔ=in			γut=tin	un ¹ un ¹ u
NEG=мы.OBL=POSS=NEG=E=ATR=3sgS			вот=ADJ.3sgS	ребенок.ABS.sg

‘Гуси сказали: «Другой, не наш этот ребенок».’

2.3. Показатели отрицательного атрибутива. Отрицательный атрибутив образуется от именных и глагольных основ, имеет префиксальный отрицательный показатель *e-/a-* в корякском, *a-* в алюторском, который в примерах маркируется либо NEG (при именных основах), либо CV.neg (при глагольных основах). Постфиксальные показатели отрицательного атрибутива *-k-ə-lh-in(e)* / *-k-ə-lh-en(a)* (кор.) / *-k-ə-lʔ-in(a)* (ал.) составные и, в отличие от других предикативов, легко распадаются на значимые компоненты: сокращенный вариант отрицательного показателя (*-ke/-ka > -k*), атрибутивный постфикс *-lh/-lʔ* и морфологический сегмент *-in(e)/-en(a)/-in(a)*, который в данном случае сам по себе выполняет функцию личного показателя 3-го лица.

С учетом межъязыковых фонетических соответствий парадигма отрицательного атрибутива корякского и алюторского языков совпадает во всех лицах, кроме 3-го лица множественного числа (табл. 5).

Во-вторых, возможно использование показателя *-laŋ* или его расширенных вариантов, как у предикативов второй группы, с одновременным усечением сегмента *-ina* и атрибутивного показателя *-lʔ*, сохраняется только суффиксальный показатель отрицания *-k*, примеры (22), (23).

(22) Ал., с.-в., ан.

...*Мисъаунюнов 'в'и ал ататкайуукылау.* (Голикова 2006)

misʔa=un'un'u=wwi al a=tatkajuŋ=k=ə=laŋ
 красивый=ребенок=ABS.pl не CV.neg=думать=CV.neg=E=3plS
 'Красивые дети не заботливые.'

(23) Ал., с.-в., ан.

Гансутцываулау мауинав'анв'инавкылауина жууатгал. (Голикова 2006)

ya=n=sutɕəm=av=laŋ maŋ.ina=w
 PP=CAUS=снаряжение=VBLZ=3plP который=ABS.pl
 a=n=win=av=k=ə=laŋina qujatyal
 CV.neg=CAUS=покорный=VBLZ=CV.neg=E=3plP жеребец.ABS.sg
 'Приготовили жеребцов, которые необъезженные.'

Выводы

В корякском и алюторском языках имеются этимологически составные постфиксальные показатели предикативов, содержащие сегмент с отпадающим гласным. Согласно фонетическим правилам чукотско-корякских языков, этот гласный должен отпадать в абсолютном конце слова и восстанавливаться в медиальной позиции.

Рассмотрение функционирования пяти различных предикативов (релятивное, possessive и качественное прилагательные, причастие прошедшего времени и отрицательный атрибутив) показало, что корякский и алюторский языки демонстрируют разную степень строгости применения этой фонетической закономерности.

В корякском языке процесс отпадения и восстановления гласной в достаточной степени автоматичен: показатель с гласным в аусллауте в качестве самостоятельной морфемы использоваться не может, поэтому в абсолютном конце слова он обязательно отпадает, восстановление гласного возможно только в медиальной позиции, когда после него следуют числовые показатели дуалиса, плюралиса или, для некоторых предикативов, падежные или личные показатели.

При усечении гласного показатель предикатива выражает единственное число, при восстановлении гласного перед обязательными в этом случае числовыми показателями – неединственное число. Перед падежными и личными показателями, в тех предикативах, которые позволяют их использование, в обоих языках числовые противопоставления нейтрализуются.

Алюторский язык демонстрирует гораздо большую свободу в употреблении числовых показателей при предикативных морфемах. Спонтанность процесса усечения и восстановления гласного в показателях утрачена, и у носителей алюторского языка есть выбор в их использовании, поэтому числовые показатели факкультативны, восстановление гласного не ведет за собой обязательного появления после него числового постфикса. Особенно часто усекаются показатели множественного числа. Отпадение гласного фактически стало морфологическим способом выражения числа. Показатели предикатива, противопоставленные по наличию или отсутствию конечного гласного, сами по себе выражают числовую корреляцию «единственное-неединственное число».

В двух наиболее частотных предикативах алюторского языка (качественном прилагательном и причастии прошедшего времени) сформировались уникальные

формы 3-го лица множественного числа, имеющие краткие и расширенные варианты, характерные для фольклорных нарративов. Одна из гипотез их происхождения – раннее заимствование из корякского языка комплекса морфем из частотных форм презенса. В речи отдельных носителей алюторского языка, занимавшихся оленеводством и активно контактировавших с кочевыми коряками, спорадически используются формы 3-го лица множественного числа причастия прошедшего времени, заимствованные из современного корякского языка.

В одном из предикативов (отрицательном атрибутиве) реализуются обе модели выражения множественного числа – аддитивная, с восстановлением гласного и факультативным использованием числовых морфем, и субститутивная, с усечением части показателя и использованием уникального для алюторского языка показателя множественного числа по аналогии с наиболее частотными предикативами.

Список литературы

Володин А. П. О «блуждающей морфеме» *INE/ENA* в чукотско-корякских языках (опыт диахронической интерпретации) // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 110–129.

Жукова А. Н. Алюторский язык // Языки народов СССР. Т. 5: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968. С. 294–309.

Мельчук И. А. Модель спряжения в алюторском языке. I / Ин-т рус. яз. АН СССР; Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 45. М., 1973а. С. 1–71.

Мельчук И. А. Модель спряжения в алюторском языке. II (Продолжение) / Ин-т рус. яз. АН СССР; Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 46. М., 1973б. С. 73–134.

Нагаяма Ю. Очерк грамматики алюторского языка. Киото, 2003. 314 с.

Стебницкий С. Н. Алюторский диалект нымьланского (корякского) языка // Советский север. 1938. № 1. С. 65–102.

Fortescue M. Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005. 496 p.

Источники лингвистического материала

Белоусова 2006 – тексты, записанные экспедицией Ин-та филологии СО РАН от Белоусовой Варвары Кондратьевны (1930 г. р., с. Лесная) в п. Палана в 2006 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии Е. Г. Ягановой, п. Палана, 2007 г.

Голикова 2006 – тексты, записанные экспедицией Ин-та филологии СО РАН от Голиковой Татьяны Николаевны (1937 г. р., с. Анапка) в п. Палана в 2006 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии В. К. Кириченко, п. Оссора, 2007 г.

Ивтакрат 1955 – тексты, записанные И. С. Вдовиным от Ивтакрата (Варганова Максима Трифионовича), 1907 г. р. в с. Илир (Култушное) Олюторского р-на Камчатской обл. в августе 1955 г. // Научн. арх. Ин-та антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). Ф. 36. Оп. 1.

Йокка 2004 – тексты, записанные экспедицией Ин-та филологии СО РАН от Йокка Сергея Григорьевича (1952 г. р., с. Вывенка) в с. Вывенка в 2004 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии А. И. Поповой, г. Новосибирск, 2004 г.

Камак 2004 – тексты, записанные экспедицией Ин-та филологии СО РАН от Камак Марии Васильевны (1958 г. р., с. Вывенка) в с. Вывенка в 2004 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии А. И. Поповой, г. Новосибирск, 2004 г.

Кергильхот 2006 – тексты, записанные Т. А. Голованевой от Кергильхот Александры Алексеевны (1951 г. р., с. Ветвей) в п. Нагорный в 2006 г. Расшифровано Т. А. Голованевой при участии Е. П. Прониной, г. Петропавловск-Камчатский, 2012 г.

Кергильхот 2010 – тексты, записанные Т. А. Голованевой и А. А. Мальцевой от Кергильхот Александры Алексеевны (1951 г. р., с. Ветвей) в п. Нагорный в 2010 г. Расшифровано Т. А. Голованевой при участии Е. П. Прониной, г. Петропавловск-Камчатский, 2013 г.

Кергильхот 2015 – тексты, записанные Т. А. Голованевой от Кергильхот Александры Алексеевны (1951 г. р., с. Ветвей) в п. Нагорный в 2015 г. Расшифровано Т. А. Голованевой при участии Е. П. Прониной, г. Петропавловск-Камчатский, 2015 г.

Кибрик и др. 2000 – *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А.* Язык и фольклор алыторцев. М., 2000.

Килпалин 1993 – *Килпалин К. В.* Аня: Сказки Севера. Петропавловск-Камчатский, 1993.

Мулинаут 2004 – тексты, записанные экспедицией Ин-та филологии СО РАН от Мулинаут Дарьи Андреевны (1918 г. р., с. Вывенка) в с. Вывенка в 2004 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии А. И. Поповой, г. Новосибирск, 2004 г.

Нагаяма 2003 – *Нагаяма Ю.* Очерк грамматики алыторского языка. Киото, 2003.

Пастушена-Косыгина 2006 – тексты, записанные экспедицией Ин-та филологии СО РАН от Пастушеной-Косыгиной Анны Петровны (1945 г. р., с. Култушное) в п. Тилички в 2004 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии А. П. Пастушеной-Косыгиной, с. Култушное, 2004 г.

Яганова 2006 – тексты, записанные экспедицией Ин-та филологии СО РАН от Ягановой Екатерины Григорьевны (1943 г. р., с. Лесная) в с. Лесная в 2006 г. Расшифровано А. А. Мальцевой при участии Е. Г. Ягановой, п. Палана, 2007 г.

Условные обозначения

Языки: ал. – алыторский; кор. – корякский.

Диалекты: с.-в. – северо-восточный; чавч. – чавчувенский; ю.-з. – юго-западный.

Говоры: ан. – анапкинский; ветв. – ветвейский; выв. – вывенкский; култ. – култушинский; лес. – лесновский.

Грамматические значения в глоссах: 1, 2, 3 – лицо; А – агенс; ABS – абсолютив; ADJ – прилагательное; ADV – наречие; ADV.abl – наречие на базе исходного падежа; ATR – атрибутив; AUG – аугментатив; CAUS – каузатив; CV.com – конверб с показателем комитатива; CV.loc – конверб с показателем локатива; CV.neg – отрицательный конверб; DIM – диминутив; DU, du – дуалис; E – эпентетический гласный; EQU – экватив, назначительный падеж; HABIT – хабитуалис; IN – локализация ‘внутри’; INCH-DUR – инхоатив-дуратив; INSTR – инструменталис; INTENS – интенсивность действия; IPFV – имперфектив; ITER – итератив; LAT – латив; LOC, loc – локатив; LowA – агенс, стоящий на низшей ступени иерархии активности; NEG – отрицание; NMLZ – номинализатор; NMLZ.collect – номинализатор со значением собирательности; NMLZ.loc – номинализатор со значением места; nsg – неединственное число; OBL – косвенная основа; ON – локализация ‘на поверхности’; P – пациенс; ptcl – частица; PEJOR – пейоратив; Pers – имя собственное; PFV – перфектив; PL, pl – множественное число; POSS – притяжательное прилагательное, местоимение; POT –

потенциалис; **PP** – причастие прошедшего времени; **PRES** – настоящее время; **PSR** – посессор; **QUAL** – качественное прилагательное, наречие; **REL** – относительное прилагательное; **S** – субъект; **SG, sg** – единственное число; **SUPER** – локализация ‘на’; **VBLZ** – вербализатор; **VBLZ.inch-dur** – вербализатор с дополнительным акциональным значением начала длительного действия.

A. A. Maltseva

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, alla.maltseva.ifl@gmail.com*

**Aspects of the use of predicative morphemes
with a dropping vowel in the Koryak and Alutor languages**

In the Koryak and Alutor languages, there are etymologically composite postfix predicative markers that contain a segment with a dropping vowel. According to the phonetic rules of the Chukchi-Koryak languages, this vowel must drop at the absolute end of the word and recover in the medial position. Consideration of five different predicatives (relational, possessive and qualitative adjectives, negative attributive and past participle) showed that the Koryak and Alutor languages are not equally strict in the application of this phonetic rule.

In the Koryak language, the process of dropping and restoring of the vowel is sufficiently automatic. The marker with a final vowel cannot be used as an independent morpheme. Therefore, in the absolute end of the word, it necessarily drops. The vowel restoration is possible only in the medial position when it is followed by the affixes of dual and plural number, and for some predicatives, also by the case or personal markers. When the vowel is absent, the predicative affix expresses singular number, while a vowel is restored before obligatory numeral morphemes – non-singular. Before the case and personal markers, if a predicative allows their use, numeral oppositions are neutralized.

Alutor language demonstrates much greater freedom in the use of numeral affixes after predicative morphemes. The spontaneity of the process of vowel dropping and restoring is lost, that is why the restoration of the vowel does not obligatory lead to the occurrence of a numeral postfix after it. The Alutor speakers have a choice in their use, so the numeral affixes became optional. Especially often the plural markers are dropped. The predicate morphemes, according to presence or absence of a final vowel, express the opposition of singular and non-singular numbers by themselves.

In the two most frequent predicatives of Alutor (the qualitative adjective and the past participle), unique forms of the third person plural with short and extended allomorphs characteristic of folklore have appeared. One of the hypotheses of their origin is the early borrowing from the Koryak language of a morphemes complex from the frequent Presence form. In the speech of some native speakers of the Alutor language, engaged in reindeer herding and actively contacting with nomadic Koryaks, the third person plural forms of the past participle, borrowed from the modern Koryak language, are used sporadically.

In one of the predicates, namely the negative attributive, both models of plurality expression are implemented – the additive model with the restoration of the vowel and the optional use of numeral morphemes and the substitutional model, when a morphemes complex of the negative attributive is partially dropped, and the unique plural Alutor marker is used, by analogy with the most frequent predicatives.

Keywords: Chukchi-Koryak languages, the Alutor language, the Koryak language, morphology, predicative, phonetic law, vowel dropping.

DOI 10.17223/18137083/63/20

References

- Fortescue M. *Comparative Chukotko-Kamchatkan Dictionary*. Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2005, 496 p.
- Mel'chuk I. A. *Model' spryazheniya v alyutorskom yazyke* [Model of conjugation in the Alutor language]. Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Iss. 45. Moscow, 1973a, pp. 1–71.
- Mel'chuk I. A. *Model' spryazheniya v alyutorskom yazyke* [Model of conjugation in the Alutor language]. Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Iss. 46. Moscow, 1973b, pp. 73–134.
- Nagayama Yu. *Ocherk grammatiki alyutorskogo yazyka* [Sketch of the Alutor grammar]. Kioto, 2003, 314 p.
- Stebnickiy S. N. Alyutorskiy dialekt nymylanskogo (koryakskogo) yazyka [Alutor dialect of the Koryak language]. *Sovetskiy Sever*. 1938, no. 1, pp. 65–102.
- Volodin A. P. O "bluzhdayushchey morpheme" INE/ENA v chukotsko-koryakskikh yazykakh (opyt diakhronicheskoy interpretatsii) [On "a wandering morpheme" INE/ENA in the Chukchi-Koryak languages (attempt of the diachronic interpretation)]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2000, no. 6, pp. 110–129.
- Zhukova A. N. Alyutorskiy yazyk [Alutor language]. In: *Yazyki narodov SSSR. T. 5: Mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie yazyki* [Languages of the Peoples of the USSR. Vol. 5: Mongolic, Tungusic, and Paleosiberian languages]. Leningrad, 1968, pp. 294–309.